

Нань Юй в этот момент совершенно не осознавал, что находится внутри паранормального инстанса. В его представлении всё происходящее было лишь школьным конфликтом: он думал, что эти ученики просто страдают, не смея пожаловаться, а учительница, доведенная до безумия давлением директора, окончательно потеряла рассудок.

Нань Юй слегка покрутил шеей, раздался тихий хруст, и он поднялся с места. Его нынешнее тело унаследовало все достоинства прошлой жизни — оно было настолько совершенным, словно создавалось специально для него.

То, как он встал из-за парты, в глазах зрителей по ту сторону экрана выглядело не иначе как самоубийством.

Линь Чжэфэн тяжело вздохнул и с досадой махнул рукой:

— Приведите людей. Соберите в казне всё, что имеет хоть какую-то ценность, отправьте в поместье Шангуань. Лично извинитесь перед главой семьи Шангуань и сделайте всё, чтобы успокоить его гнев.

Как только эти слова прозвучали, чат взорвался гневными комментариями — все были возмущены безрассудством Нань Юя.

Лишь Шангуань Цинье почувствовал неладное. Он наводил справки о Нань Юе и знал, что тот — душевнобольной, но почему же сейчас он выглядит настолько уверенным в себе?

Взгляд Нань Юя был безмятежен, словно спокойная гладь озера, в которой невозможно было ничего прочесть. Однако показатели Очков ужаса на потолке стремительно ползли вверх. Этим он был обязан жителям Исюэ: их страх, распространяясь всё дальше, заставлял счетчик неумолимо расти.

Учительница пронзительно взвизгнула. Её мягкое лицо внезапно треснуло, из него хлынули бесчисленные щупальца, и в воздухе разлился тошнотворный запах гнили. Она рванулась к Нань Юю с быстротой пушечного ядра — реакция была просто невозможна.

Экран перед зрителями мгновенно погас, словно поглощенный бесконечной тьмой. Даже трансляция у Шангуань Цинье не избежала этой участи, погрузившись в черный мрак.

В поместье Шангуань мебель из сандалового дерева источала благородный аромат, выдавая невероятную роскошь обстановки. Изысканная женщина в дорогих одеждах сидела на кожаном диване, роняя слезы — вид у неё был крайне жалкий. Мужчина рядом с ней помрачнел. Женщина была матерью Шангуань Цинье, а мужчина — его отцом. Они с тревогой смотрели на погасший экран, в их сердцах царил пепел. Было ясно: паранормальный инстанс вот-вот обрушится на них.

Шангуань Цинъюнь, с покрасневшими глазами и дрожащим голосом, проговорил:

— Остальные обитатели поместья уже ушли. Се Вань, прости, что заставил тебя остаться здесь со мной.

Се Вань, чьи прекрасные глаза наполнились слезами, беззвучно покачала головой, глядя на него с безграничной нежностью.

Не только они ждали — жители Исюэ и всей страны замерли в ожидании сигнала о начале инстанса. Воздух был пропитан напряжением, нервы каждого были натянуты до предела.

Внезапно экран вспыхнул. Когда люди увидели то, что предстало перед их глазами, волна тошноты подступила к горлу, а леденящий ужас сковал всё тело.

На кадрах некогда чистый и аккуратный класс был залит кровью; пугающий алый цвет словно рассказывал о только что завершившейся бойне. Ученики по-прежнему сидели на своих местах — те же иссохшие волосы, глубокие тени под глазами, впалые щеки и пустые взгляды. Но теперь в их глазах теплилась жизнь — смесь ужаса и шока.

Сам Нань Юй был с ног до головы покрыт кровью, а в его лбу зияла черная дыра, сквозь которую можно было разглядеть лицо ученика. Он что-то жевал, и от этого зрелища волосы вставали дыбом. Его глаза светились зловещим красным светом — истинный демон, охваченный безумием.

Шангуань Цинье, словно невольный свидетель кошмара, побледнел и, прикрыв рот рукой, начал безостановочно рвать.

Щупальца учительницы почти превратили Нань Юя в решето, но он не умер. Напротив, он умудрился запихнуть все эти щупальца себе в рот и съесть их. Зрелище было настолько омерзительным, что смотреть на него не было сил.

Нань Юй же находил вкус того, что он ел, довольно приятным. Это странное ощущение вызывало мурашки. Казалось, у него было особое восприятие того, что обычный человек счел бы невыносимым ужасом.

Шангуань Цинье был готов упасть в обморок. И его трудно было винить: щупальца, торчавшие из лица учительницы, источали такой запах, который бил прямо в мозг. Они были покрыты шипами и постоянно извивались — одна лишь мысль об этом вызывала спазмы в желудке. Шангуань Цинье чувствовал себя хуже, чем если бы потерял отца; он был единственным живым свидетелем, вынужденным наблюдать за этой сценой каннибализма.

— Да вы шутите... Он что, взял и просто так это съел?!

Этот комментарий в чате стал камнем, брошенным в спокойное озеро, поднявшим огромную волну.

— Ребят, он вообще человек? У меня слов нет.

— А где тот красавец с холодным взглядом? Кто это вообще такой?

— В Исюэ все такие?

— Эй, вы там, сверху! Если еще раз попробуете судить о всем нашем городе по одному человеку, я вас через интернет достану! — тут же яростно ответили жители Исюэ, не желая, чтобы их гребли под одну гребенку из-за выходок Нань Юя.

В конференц-зале воцарилась тишина, воздух будто застыл. Каждый был погружен в свои мысли, но никто не знал, с чего начать разговор.

Нань Юй, дожевав последнее щупальце, медленно вытер рот и перевел взгляд на Кровавые письма на потолке:

□Достигнут порог Очков ужаса: десять тысяч□

Крупные символы постепенно растворились, превратившись в красное облако, которое легким потоком влилось в тело Нань Юя. Он тут же почувствовал, как становится сильнее, как его наполняет безграничная мощь — ему казалось, что теперь он может убить ту учительницу одним ударом.

Огромная дыра в его лбу затянулась на глазах. Жуткая рана исчезла, и он снова стал тем самым холодным и прекрасным юношей. Его черты лица оставались безупречными, а манеры — возвышенными, словно всё безумие, произошедшее мгновение назад, было лишь галлюцинацией.

В этот момент на стене появились новые Кровавые письма:

□Достигнут порог Очков ужаса: десять тысяч□

Нань Юй повернулся к этим слабым старшеклассникам и улыбнулся:

— Ну вот, теперь можете попить воды и сходить в туалет.

Его улыбка была теплой, словно солнечный свет, способный разогнать любые тучи. Зрителей по ту сторону экрана пробрала дрожь.

Нань Юй чувствовал, что совершил доброе дело, восстановив справедливость для бедных учеников. В его сердце разлилось чувство удовлетворения, словно он стал воплощением правосудия. Он подошел к Шангуань Цинье, который все еще сгибался в приступах рвоты, и слегка похлопал его по плечу:

— Эй, ты чего? Я же восстановил справедливость для вас всех, чего тебя до сих пор выворачивает?

<http://bllate.org/book/21794/2254696>